

ной стороны, его собственные философские построения утратили налет периферийного (по отношению к триединой столице классического философского мира, именуемой Афины — Рим — Иерусалим) дилетантизма и обрели необходимую метафизическую фундированность. С другой стороны, его собственный философский дар, развившийся в мощную культуротворческую силу, превратился в источник обогащения классической платонической парадигмы многими новыми смысловыми нюансами.

Когда наиболее видные из русских мыслителей серебряного века с настойчивым постоянством вновь и вновь обращались в своих трудах к текстам Достоевского, то это объяснялось в значительной степени тем, что в их глазах именно автор «Братьев Карамазовых» сумел, как никто, сильно и ярко актуализировать милую русскому сердцу платоническую метафизику.

Е. М. ВОРОНОВА

ВЛИЯНИЕ «ПЛАТОНОВСКОГО НАЧАЛА» И ПРИНЦИПЫ ПОСТСТРУКТУРАЛИЗМА В ФИЛОСОФИИ СЛОВА

(А. Ф. Лосев)

Одной из главных составляющих лосевской философии слова является ее глубокая связь с античной философией. Лосев рассматривал жизнь слова в античных традициях, традициях телесности. Человек имеет тело. Космос, число, идея имеют тело, при этом живое тело. Работает общепринятый в античности закон: многое есть единое и единое есть многое. Для античных философов материальность и телесность были единой категорией. Плотин, например, сливает и отождествляет философскую материю, каковая есть ничто, небытие — с телом. Однако понимание телесности в античности не всегда было единым.

С одной стороны, для грека душа и тело являются антагонистами: душа представляет собой свет, чистоту, а тело — это что-то тяжелое, грубое. С другой стороны, именно греки поклонялись красоте человеческого тела, его пропорциям, гармонии, и создали культ красоты человеческого тела. Кроме того, Лосев обогащает свою теорию еще и христианским представлением о телесности, которое в глубинной своей сути связано с античным. Христианство «видит в теле не оковы, а Храм

Божий». Христос называется Спасителем тела, а церковь телом христовым. Духовное и материальное (телесное) взаимопроникают друг в друга» — это «есть чувственное переживание идей, — их отелеснение». Однако сущность структуры тела языческого представления сохраняется. Плотин говорит, «для того, чтобы освободиться от телесных оков, душа должна подвергнуться очистительному процессу, которым является многократное перевоплощение в различные тела... сменяющиеся тела рассматриваются как оболочка или футляр для души, или же как отдельные камеры... Христианское понимание означает, что свое греховное тело мы чувствуем как границу или противоположность духу лишь тогда, когда оно становится непослушным... отсюда следует, что сама антитеза духа и тела выражает собой не начальную сущность тела, но лишь известную ее модальность, определенное состояние телесности», и что эфирное, астральное, ментальное тела» по своей онтологической природе составляют одно с планом «физическим», образуя, как сказать, разные степени сгущения телесности»¹.

Лосев, чувствуя общность античной и христианской линий в формировании понятия существования «телесности», объединяет эти направления в исихастском мироощущении. Но и тогда перед нами не просто теория или новая доктрина, а скорее рождение формы, слова, человека, вообще сущего как своего рода искусство. На мой взгляд, Лосев-платоник в раскрытии философии слова использовал главный принцип Платона, что философия — это и глубина и сложность мысли, и эмоциональное искусство. Перед нами не просто текст научной теории, но творимый на наших глазах, текст как нечто живое, имеющее свой жизненный ритм, разворачивающаяся из точки действующая живая материя галактики. Это мы наблюдаем на примере маленькой песчинки огромного материального сущего. В таком стиле — неограниченная свобода пространства, формы, времени. Это чувство, ощущение текста, научной идеи может быть античным, может быть постструктуралистским, а может быть и очень русским.

Маленькая песчинка огромного сущего — это и есть тело слова.

Сущее и меон зависимы друг от друга и имеют в себе как бы все формы существования, зародыши жизни. Это живая структура, которая создает сама в себе. «... Одно, поскольку оно — целое, находится в ином, а поскольку существует во всех частях, оно — в себе, и, таким образом, одно необходимо и само в себе и в другом... Но одно находится также и в ином. Это значит, что оно никогда не находится в том же или всегда находится в различном, т. е. никогда не стоит. Следовательно, одно находится в движении... Но сущее, чтобы быть таковым, должно само себе противопоставлять не-сущее, оно долж-

¹ Булгаков С. Свет невечерний. М., 1994. С. 214–222.

но само себе противопоставлять себя же, как сущее не-сущему. Другими словами, оно само не должно быть одновременно и сущим и не-сущим, единством сущего и несущего. Следовательно, снять дуализм сущего и несущего, это значит найти такую форму сущего, в которой бы сущее и не-сущее слились бы в неразрывное и нераздельное единство. Такой синтез сущего и не-сущего есть становление, течение, изменение»². Платоновский принцип формирования материи путем «становления, течения, изменения» активно используется в постструктуралистском понимании телесности человека. Еще Киркегор и Ницше, да и Пруст, представляли тело человека не единым, а несколькими сменяющимися друг друга телесными образами, которые невозможно уловить и которые распростерты в нескольких плоскостях и постоянно переходят друг в друга, перетекают друг в друга, будучи независимыми. Киркегору такой вид движения-существования напоминает танец. Кроме того, принцип становления, течения как форма слияния сущего и несущего — это и есть человек. Фуко пишет, что «человек в мире является местом эмпирико-трансцендентного удвоения ... Человек есть такой способ бытия, в котором находит свое обоснование постоянно открытое, заведомо не ограниченное ... пространство ...»³. Человек это то пространство, где снимается дуализм сущего и не-сущего. В «Философии имени» Лосевым максимально приближено к нам это пространство одного целого, в котором рассматривается процесс связи сущего и не-сущего. Это просто более детальная картина материи, ее жизни, где одно по античному закону единое есть многое и многое есть единое, может пониматься как всеобщая материя, космос, человек, слово, живая природа вокруг нас, мир идей, текст ... Итак, «сама ноэма (значение слога) указывает на противостояние в слове предметной сущности и воспринимающего эту сущность „субъекта“ ... предметная сущность одною своею стороною непосредственно участвует в стихии слова, образуя ее и являясь в ней существенным моментом, другая же сторона вне слова, конструируя собою предмет, независимый от изменения его в слове и словах ... нужно сказать, что этою второю стороною предметная сущность тоже участвует в стихии слова, но участвует непосредственно, косвенно ... Если что-нибудь одно — сущее, то чистое „иное“ будет не просто другое же, но не-сущее, меон. ... мы утверждаем, что не-сущее в нашем смысле, наше „иное“ и меон, есть не просто отрицание факта наличия, а утверждение факта оформления предмета, которое предполагает обязательно и нечто отличающееся от предмета ... меон есть момент в сущем же, не-сущее необходимое слагаемое жизни сущего же. Меон есть „иное“

² Лосев А. Ф. Античный космос и современная наука. М., 1927. С. 65–74.

³ Фуко М. Слова и вещи. М., 1994. С. 343–344.

полагание, „иное“ смысла. Меон есть, следовательно, начало иррационального сущего. . . »⁴. Итак, перед нами единый принцип формирования и существования материи любого качества и свойств. Но это сейчас только каркас, первая ступень выхода из тьмы хаоса. Следующим этапом является вид сущности, который для Лосева (для Платона и Плотина) представляет собой своеобразный смысловой прорыв — это энергема. «Одно — меональная вещь — только получает извне осмысление и сама не рождает смысла и выражения; другое — энергема — есть смысловая выраженность, почивающая на предмете независимо ни от какой меональной вещи»⁵. Постструктуралисты представляют наше человеческое тело как форму, способную пропускать различного рода энергийные потоки, способную самой формировать вихревые тела, которые находятся в постоянном становлении. Эти энергии нашего тела различны материально и поэтому имеют свои пороги. Человеческое тело — это тело порога — потока. Есть некий образ тела. Плотин считает, что потенциально данное есть обоюдно-совокупное обстояние материи и эйдоса. Если потенциально — сущее — принцип осмысления во времени, то энергийно-сущее — самый смысл того, что осмыслилось и оформилось во времени . . . Это есть смысл вещи и смысл фактической пестроты, смысл ставшего во времени сущего⁶. Значит любая материя стремится к смыслу. Энергия является смысловой формой материи. Символически отождествляя слово и человека, в понимании лосевской концепции формирования умной материи, можно говорить, что энергийно оформленное из хаоса сущего слово представляет собой стремление к смыслу, осмысливанию, и энергийно творимое тело человека определяется как стремление к смыслу, все равно как слово для человека — это олицетворение смысла. Энергийность действительно пронизывает и создает живое и осознанное, и переходит одно в другое. Осмысленное слово является энергемой слова. Они действительно двуедины, как говорил Фуко.

Слово в представлении лосевской концепции — живой организм. Как любое тело, оно имеет ощущения и раздражения. Ощущающая и органическая энергема представляют собой «смысл в состояниях самозабвения». Но, чтобы быть этому самозабвению, необходимо ему отличаться от того, что не есть самозабвение⁷. Противоположным состоянием самозабвению служит самосознание. Тогда самосознание представлено словом, которое есть знание себя и факта знания этого знания. По Лосеву это происходит на стадии новой энергема — мышле-

⁴ Лосев А. Ф. *Философия имени* // Лосев А. Ф. Из ранних произведений. М., 1990. С. 38–42.

⁵ Там же. С. 50.

⁶ Лосев А. Ф. *Античный космос*. . . С. 368.

⁷ Лосев А. Ф. *Философия имени*. С. 60.

ния, где создается живое и осознанное тело слова и человека. Но эта энергема очень сложна по своей сути, так как она уже гораздо ближе к лучу истины света и сама многогранна, имеет в себе несколько энергийных потоков. Она включает в себя раздражение и ощущение. «Раздражение — знание себя только как иного. Ощущение — знание себя как себя. Везде тут перед нами основной тезис диалектики: если есть что-нибудь одно, должно быть нечто и иное, противоположное ему. Сущность предполагает иное и переходит в иное. Это значит, что она может целиком перейти в это иное и есть вне себя. Если так, то должно быть нечто, что не целиком вне себя, а еще — и в себе самой. И если есть только пребывание в ином и нет ничего противоположного этому, то немислимым делается тогда и само пребывание в ином. И так, вещь вся в ином, это значит, что в ином она — она же, она находит себя» ... «... в мышлении мыслимое тождественно мыслимому, и потому мыслить можно только себя, а не иное, иное же можно только ощущать, или мыслить нечисто, т. е. или воспринимать, или представлять. ... Мышление есть знание себя как себя и знание иного — тоже как себя»⁸. Лакан подходит к подобной ситуации с точки зрения психологии, включая элемент анализа, который несколько позже появится в теории Лосева, этот элемент — «другой». Однако в сути своей их выводы очень близки. Лакан пишет, что человек «в сопернике сначала постигает себя как „собственное Я“»⁹. Кроме того, человек все в своей системе существования проецирует «на систему» собственного Я, поскольку последняя вообще немислима без (скажем так) системы другого. «Референтом собственного Я является другой. Собственное Я устанавливается в отнесенности к другому. Оно является его коррелятом. Уровень, на котором происходит переживание другого, в точности определяет уровень, на котором, буквально, для субъекта существует собственное Я»¹⁰.

Почему можно сближать эти две методики, одна из которых относится к постструктурализму — современному философскому изучению стихии человека, а другая к началу XX в., ко времени только некоторого прорастания теперешних идей. Лосевская концепция символически-структурная. Однако она не абстрактная, не отвлеченная, она связывается с сущностью, с материей общими принципами жизни: энергии, становления, действия. Философия слова формулируется Лосевым как общий принцип функционирования жизни и дается в качестве наглядной структурной схемы, но пульсирующей, открытой. Ж. Делёз пишет в статье «По каким критериям узнают структурализм?»: «мы должны

⁸ Там же. С. 62–63; 68–70.

⁹ Лакан Ж. Техника психоанализа. Кн. I. М., 1998. С. 234.

¹⁰ Там же. С. 69.

сказать в этом смысле, что структура производит нами виды и части. Так что больше нельзя противопоставлять генетическое структурному, а время — структуре. Генезис, как и время, идет от виртуального и актуальному, от структуры к ее актуализации. . . »¹¹. Лосевское становление мышления и есть объединение генетического и структурного, лосевская система, будучи сугубо структурной, показывает и раскрывает сущность функционирования живой материи в развитии — генетически. Поэтому суть психологических опытов Лакана (и не только Лакана) в каком-то смысле служит иллюстрацией системы Лосева.

Вместе с символически-структурным полем лосевской теории существует и философское пространство, охватывающее как античное мировосприятие, так и христианское. В связи с этим мне хотелось обратить внимание еще и на один нюанс, связанный с представлением о том, что мышление «есть знание себя как себя и знание другого — тоже как себя». Лев Шестов говорил, что «есть тень предмета. Она является тенью только определенного предмета. Моя тень есть моя тень, как ваша тень есть ваша тень. Это очень глубокая вещь. И состоит она в том, что к истине мы приходим только из своей тьмы. Тьма — только наша. Если нет только нашей тьмы, то мы не приходим к истине»¹².

Лосевская структура пространственна и объемна. Она указывает именно на ту глубину, которая стоит за каждым элементом системы. И диалектически многослойные части целого элемента говорят о неоднократности и сложности жизни материи, ее скрупулезной энергийно-материальной работе. Сколько мельчайших слоев содержит, например, переход от эйдической сферы имени к логосу! Приведем их: «1. наиболее глубокий и скрытый слой — апофактический; 2. момент явленности этого апофактического икса в определенных смысловых данностях, или символах: а) схемной, в) морфной, или топологической, в) эйдической г) символической (в узком смысле), д) мифической (т. е. интеллигентной); 3. в пределах каждого из этих явленных ликов сущности — двойную диалектическую в триадичность: а) по горизонтали — 1. генологический момент, сверх-смысловое единство; 2. образ и очертание эйдоса в широком смысле, 3. генетический момент, изменение, алогическое становление, непрерывная текучесть на фоне. . . ; 4. софийно-телесного носительства всей сущности, которая оказывается носителем уже не просто эйлоса, но 5. выраженного, энергийного символикос-мифического эйдоса»¹³. Логическая схема, предложенная Лосевым в книге «Философия имени», рассматривает постепенно и подробно каж-

¹¹ Делёз Ж. Марсель Пруст и знаки. М., 1990. С. 151.

¹² Мамардашвили М. Лекции о Прусте. 1995. С. 69.

¹³ Лосев А. Ф. Философия имени . . . С. 94–95.

дый этап эволюции развития материи, и затем дается довольно обширная обобщенная схема, почти математически-числовое выражение. На уровне текста создаются имитации системы в системе, мультипликация системы, космическая бесконечность и множественность одновременно. Если говорить обобщенно-символически, то каждый элемент системы приближает нас к свету, выводит из темноты и мы можем быть свидетелями истины. Слова человека, имеющие одну с человеком сущностную природу в рамках данной философской системы, тоже является частичками истины, как и человек. «Потому что только интенсивностями нашей ангажированности, того, что мы вступили в мир на свой страх и риск, мы становимся на путь истины . . . На кончике луча вспыхивает пламя испытания, действительного испытания нами мира. И это действительное испытание и есть истина, которая во-первых, абсолютная, во-вторых, внутренняя. Это как бы постижения мира изнутри, а не наблюдение его извне. То есть реально нами в нашем теле переживаемое и есть истина»¹⁴. С этой точки зрения Лосевым предлагается некая структура истины, если можно так представить систему образования предметной и допредметной сущности из меона. Постструктуралистская структура близка по своим функциям к лосевской и в ней, в ее глубине, безусловно таится некий подход к пониманию ощущения истины. Делёз пишет, что система и ее элементы «существуют в совершенно определенном целом. Тем не менее это целое не актуализируется как таковое. То, что актуализируется здесь и теперь, — это такие-то отношения и такие-то значимости отношений, такие-то распределения единичностей; другие же актуализируются в другом месте или времени. Нет всеобщего языка, воплощающего все фонемы и фонематические отношения; но виртуальная всеобщность языка актуализируется по исключительным направлениям в различных языках, каждый из которых воплощает некоторые отношения, значимости отношений и единичности. . . »¹⁵. Структура внутри себя живет по своим законам, она знает внутреннюю жизнь, она способна скрывать свою сущность за внешними отношениями, эффектами, явлениями. Поэтому Альтюссер выдвигает «понятие собственно структурной причинности, чтобы учесть весьма специфическое присутствие структуры в своих эффектах в то время, когда последние употребляются ей и включаются в нее. Бессознательное структуры является дифференциальным . . . определенные нами выше символические элементы, взятые в дифференциальных отношениях, с необходимостью организуются в серию . . . Следовательно, они сами организуются в другую, способную к автономному развитию серию или, по крайней

¹⁴ Мамардашвили М. Лекции о Прусте. С. 152–153.

¹⁵ Делёз Ж. Марсель Пруст. С. 149.

мере, с необходимостью относят первую к другой такой серии. Таковы фонемы и морфемы. . . . если структура определяет проблемное поле, поле проблем, то это следует понимать в том смысле, что природа проблемы обнаруживает собственную объективность»¹⁶. Лосевская и постструктуралистская структура соотносятся друг с другом, может быть, дополняя одна другую или продолжая одна другую, так как для них характерно общее понимание существа жизни структуры или сущности. Сущность материи функционирует, постоянно мультиплицируя свою систему, части этой системы зависимы друг от друга общением (энергично), «сущность же сама себе облекает в язык, облекает сначала для себя и только потом для „другого“»¹⁷. Значит, лосевская сущностная материя и структура Делёза одинаково структурированы внутри себя, они выполняют одинаковые действия для своей жизни. Кроме того, «лосевский символ не имеет чувственного товарного тела»¹⁸, и постструктуралистская структура не имеет никакого отношения к чувственной форме. . . .».

Постструктуралистская структура, хотя и чрезвычайно структурирована, является живым организмом, части и виды которой живут внутри нее, они могут вступать в контакт между собой, могут образовывать свои собственные автономные поля, и, самое главное, отношение внутри структуры определяет саму структуру. Лосевская структура формирования предметной и допредметной сущности достаточно наглядно демонстрирует общий с постструктуралистами подход. Мельчайшее поэтапное формирование на наших глазах новой сущности в философии слова обнаруживает представление о том, что части, частицы, виды . . . меона постепенно формируются в материю разной духовной и физической продвинутой. Обратим внимание, сколь жизненно активна и телесна структура Лосева. «Апофатика предполагает символическую концепцию сущности. Только символ есть точная и точная идея, несмотря на присутствие иррациональных глубин сущности и благодаря им. Неисчерпаемое море сущности омывает твердые берега явленного эйдоса, и сам он насыщен и пронизан внутренними смысловыми энергиями сущности. Из бездны алогического рождается миф, из непрерывной иррациональности музыки — строжайше оформленное число»¹⁹. Во-первых, сущность, по Лосеву, имеет символическую концепцию, так как связана с рассмотрением ее апофатически. Делёз считает, что «отказ от смешения символического с воображаемым и реальным является первым измерением структурализма». Кро-

¹⁶ Там же. С. 155–157.

¹⁷ *Гоготшивили Л. А.* Религиозно-философский статус языка // Лосев А. Ф. Бытие, или космос. М., 1993. С. 913.

¹⁸ *Гоготшивили Л. А.* Лосев, исихазм и платонизм // Начала. 1994. № 1. С. 113.

¹⁹ *Лосев А. Ф.* Философия имени. С. 126.

ме того, Делез говорит, что Лакан находит третий элемент, кроме реального и воображаемого, — это «символическое, т. е. Имя — отца». Речь идет о том, что имя — это язык, потому что «в действительности существует только языковые структуры, будь то эзотерический язык или даже невербальный». Лосев также считал, что философия языка это и есть собственно философия как она есть. Кроме того, и Лосев и подструктуралисты одинаковы в эмоциональной оценке жизни внутри структуры. И если структура определяет проблемное поле, поле проблем, то это следует понимать в том смысле, что природа проблемы обнаруживает собственную объективность в этой серийной конструкции, которая иногда приближает структурализм к музыке²⁰.

Будь то структура постмодерна, будь то сущность, которая способна рождать внутри себя самосознание и интеллигенцию, или это имя-язык — все это связано с общим символическим подходом понимания форм жизни и человеческой природы в том числе. Мы рассматриваем жизнь и человеческую природу не прямолинейно, но символически осмысливаем в формах врожденных человеческих свойств как бы со стороны. Мы хотим застать человека в ряду жизненных явлений и процессов, мировых процессов, космических. Однако структура постмодерна и структура, скажем, лотмановской школы различны. Предшествующие структуралисты видели схему и показывали механизм работы структуры, она не была живым организмом, она не дышала. Для подструктурализма важно, чтобы тело ожило, чтобы структура могла общаться с другими формами, видами существования. Структура постмодерна внутренне огромна и осуществляет постоянную работу, также она огромна и вне себя, так как соединена с другими структурами общностью своей внутренней разнообразностью. И получается парадоксальная ситуация: с одной стороны, мы говорим, что это структура и она имеет символический характер, значит, ее телесность виртуальна, условно выражает сущность, с другой стороны, жизнь и взаимодействие частей структуры, их определяющая роль для жизни всей структуры в целом очень конкретны и, может быть, телесно зримы, воспринимаемы в телесной форме, не воображаемо. Лосев воспринимает свою структуру как постструктуралист. Она для него исключительно живой телесный организм. И Лосев и постмодернисты, применяя эту структуру, стремятся понять сущность жизни и человека.

Итак, телесность, энергичность, множественность, интерсубъективность, жизнь, движение становления, разворачивание из одной точки (слова в тексте), множество миров — это и многое другое предстает основными процессами в методах как постструктуралистов, так и Лосева.

²⁰ Делёз Ж. Марсель Пруст. С. 157.

Постструктурализм активно использует психоанализу. Самой яркой школой здесь была школа Лакана. Лакан считал, что бессознательное символическое — это и есть язык. Язык, который противопоставит всему реальному воображаемому. (Здесь нужно вспомнить его знаменитый опыт с вазой и зеркалами, приведенный в книге I «Техники психоанализа».) Здесь Разница между пониманием Лакана и Лосева меньше, чем их общее понимание.

Для обоих ученых язык — это символическое, однако для Лосева оно должно показать нам смысл смысла, строение материи. Символическое должно привести к реальному. Уровень бессознательного на данном этапе концепции не нужен, потому что мы движемся к самосознанию, к оформлению реальной личности, к имени.

Другое дело, что это движение мы можем рассматривать, например, диалектически или психологически. Лосев писал в «Философии имени», что человек не может обладать чистой мыслью, иначе его тело должно быть распростерто в меоне, он обладает психически окрашенной мыслью. Лакан считает, что «на самом деле субъект бессознательного соприкасается с душой лишь посредством тела, куда он . . . вводит мысль . . . А мыслит он (человек) от того, что некая структура, а именно структура языка, расчленяет — как само слово подразумевает это — его тело. . . »²¹

Для нас важно здесь, что Лосев видит не просто тело, но функционирующее как психический феномен, а Лакан, со своей стороны, видит тело слова членимым. Принцип членения слова был предложен именно Лосевым в его ранней лингвистической концепции, в которой он опирался на выводы Платона и Плотина.

Тело человека — одно из главных условий его существования в структуре «космос — Земля». Именно это тело — форма, эйдос, и содержит в себе код жизни смысла, но для Лакана это уровень бессознательного. Однако сам Лакан считает смысл частью бессознательного. Говоря о бессознательном в структуре, точнее, в языке — нет структуры, которая шла бы от языка (и здесь Лакан и Лосев союзники. — *Е. В.*), — можно выделить две стороны, два русла.

Во-первых, русло смысла — оно-то и является, казалось бы, руслом психоанализа, источающего смысл, который держит судно нашей сексуальности на плаву. Поразительно однако, что смысл этот сводится к бессмыслице — к той бессмыслице сексуальных отношений, которая испокон веку во весь голос заявляет о себе в любовных речах. . .

Имеется и другой смысл — этот выдает себе за здравый смысл, да еще в смысле «общего мнения» Комичнее некуда. . . бессознательное, при условии, что структура, которая делает из того, что я называю

²¹ Лакан Ж. Телевидение. М., 2000. С. 12–13.

языком, язык и тем самым опознает себя, действительностью велит это, напоминает нам, что русло смысла, которое заворачивает нас в речи — благодаря чему речь эта заслоняется бытием, тем бытием, мысль о котором носится в воображении Парменида, — напоминает нам — завершаю я свою мысль, — что русло смысла изучение языка предполагает иное русло — русло знака»²².

Истинный смысл (настоящий) — в слове, знаке; в слове как знаке, там заложимо «самое само» жизни и рождение смысла, рождение, которое так внимательно и детально рассматривает Лосев в своих работах.

Лакан и Лосев исследуют одинаковые проблемы и, по всей вероятности, имеют общие точки зрения на них, только один видит их диалектически, а другой — с позиций психоанализа.

Теперь для нас важно рассмотреть два понятия, которые присутствуют в концепциях Лакана и Лосева и корнями уходят в античную философию. Телесность и энергичность — определяющие моменты в теории Лосева, и для Лакана обращение к ним никогда не случайно.

Лосев использует эти понятия так, как было принято у античных философов, например у Платона и Плотина. Энергия и тело были материальны и чувственны. Они пронизывали все космическое мироздание, и в этом были объективизм и реализм. (Символизм появляется при понимании этих явлений в христианстве.)

Плотин считает, что «энергично-данное есть обоюдо-совокупное обстояние материи и эйдоса. . . энергично-сущее — принцип осмысления во времени, энергично-сущее — самый смысл того, что осмыслилось и оформилось во времени. . . Это есть смысл вещи и смысл фактической пестроты, смысл, ставшего во времени сущего»²³.

Энергии действуют постоянно и в этом они телесны. Энергия становления смысла кристаллизует его. Лакан приводит в пример «жизненную силу», которая является энергией, и «это не вещество, которое со временем облагораживается или скисает, а постоянная числовая величина. . . ». Такая энергия есть лишь цифровое, шифрованное выражение пространства» (телесность энергии в духе Платона, Плотина, пифагорийцев)²⁴.

Аффекты, адреналин — эта та форма энергии, с которой чаще всего приходится иметь дело психиатру. Лакан задается вопросом: относится ли аффект или выброс адреналина к телу? И для ученого становится очевидным, что «на самом деле адреналин выбрасывается мыслью»²⁵.

²² Там же. С. 15–17.

²³ Лосев А. Д. Античный космос . . . С. 368.

²⁴ Там же. С. 33.

²⁵ Там же. С. 37.

Создавая смысл или конструируя мысль, тьма или меон моментально проходят огромное количество становящегося через взаимодействие сущего и не-сущего. В результате мысль, рождаясь, образует и вырывает за собой находящуюся с ней в образовании энергию. Это эмоции, способствующие появлению адреналина или даже аффекта. В данном смысле можно говорить, что «бессознательное структурировано как язык». Вообще Лакан часто обращается к наследию Платона и к греческой философии. Не забывает он в своих примерах и средневековую философию. Может быть, он делает это не чаще, чем другие постструктуралисты, но для нас важно одно, что он акцентирует именно те нюансы в своей концепции греческих и средневековых ученых, которые могут считаться основными и для Лосева.

Лосев членил тело-слова на мельчайшие формообразующие составляющие сферы, в которых с каждым новым образованием проясняется все больше смысла, света. Слово состоит из 64 составляющих, которые в процессе течения, изменения в другую, более совершенную форму, в результате образуют высший смысл или «умную материю», высокую духовность. Мы говорили, что это членение сродни оболочкам или телам порога человека, например, «лингвистическое тело, «световое тело»... Можно представить и членение самого человеческого тела на его составляющие (как это делали древние греки, сравнивая человеческое тело и тело космоса)

Такой же подход со ссылкой на Платона мы находим у Лакана: «Сама резекция „страстей души“, как точнее именуется эти аффекты Св. Фомы, резекция, которая начиная с Платона следовала членению тела — голова, сердце и даже, как он выражается, надсердце, — разве не свидетельствует она о том, что подход к ним возможен через тело, которое, я повторяю, аффицируется исключительно языком»²⁶.

Для Лосева и для Лакана язык — это символическое. Символическое имеет дело со знаками, символами, разными шифрами и кодами.

В лосевской концепции слово выступает как знак осмысления, прорыва, движения. Слово как знак человека, как определитель человека разумного. И в «Философии языка», и в «Диалектике мифа» за текстом постоянно ощущается некое обращение к человеческой высшей умной природе. В этом смысле, можно сказать, что это скорее оккультная теория, которая дана в дар потомкам. Перед нами некое апокрифическое евангелие русского постструктурализма и структурализма — потому что по полноте и охвату учений, наполнивших ее, она, вероятно, отвечает и сможет еще ответить на многие вопросы философии. Эти ранние работы Лосева практически не изучены. Форма функционирования системы языка, данная Лосевым, носит глубинный

²⁶ Там же. С. 40.

характер, так как охватывает многие пласты культуры. Она смогла уловить самую суть жизненных процессов, связав их с историей развития человеческой мысли.

Структура, предложенная Лосевым, «является изводом языка, что молчаливо нам приносит в залог бессознательное»²⁷. Такая многослойность, наверное, впервые выступила как знак «умной материи», а затем была отмечена постструктуралистами. «Переплетенность языка, чисто лингвистического в языке с другими нитями опыта составляет одну материю. Термин „Переплетенность“ отсылает к этой метафорической зоне. „Слой“ „переплетаются“, их смешение таково, что на основу невозможно отличить от ткани. Если бы слой логоса просто закладывался, его можно было бы отложить так, чтобы освободить подлежащий субъект неэкспрессивных актов и содержаний. . . ».

Однако язык, слово — это открытая структура, она не существует для того, чтобы только некоторые могли использовать всю глубину их знаков. Эта структура оживает, когда любой человек видит в ней способ жизни. «Реальное структуры — в том самом, что делает язык не шифром, а подлежащим расшифровке знаком». Именно к расшифровке знаков языка и обращена концепция Лосева.

Ж. СТЕЙНЕР

НЕНАКАЗАННЫЕ СТРАСТИ

От переводчиков

Джордж Стейнер (George Steiner) — доктор философии, американский писатель и критик французского происхождения. Родился в Париже в 1929 г., в 1940 г. эмигрировал в Соединенные Штаты Америки, с 1944 г. — гражданин США. В 1959 г. доцент в Пристонском университете, с 1961 г. — в Churchill колледже в Кембридже. С 1974 г. Дж. Стейнер — профессор английской литературы и компаративистики университета в Женеве.

Дж. Стейнер — автор художественных произведений и критических работ. К критическим работам относятся «Language and Silence» (1967), «Some Notes towards the Redefinition of Culture» (1971), «Real Presences. Is There Anything in What We Say?» (1986, 1989).

Книга Дж. Стейнера «Ненаказанные страсти» была издана в Лондоне в 1996 г. и в 1997 г. при поддержке Национального центра книги переведена на французский язык и издана в издательстве «Галлимар» в Париже. Она

²⁷ *Лаган Ж.* Телевидение. С. 67.

© Ж. Стейнер, 2003

© Н. М. Баженова, Т. Б. Маркова, пер., 2003